

нялись к тому же мнению; но все реакционеры и крепостники старой школы яростно восставали против такой точки зрения. Они писали одну за другой докладные записки и подавали их императору и в редакционный комитет, а потому друзьям крестьянства необходимо было разбирать доводы крепостников, основывая свои возражения на солидных исторических и экономических исследованиях. В этой борьбе Чернышевский, который, конечно, был, совместно с «Колоколом» Герцена, на стороне прогрессистов-сообщников, защищал дело крестьян, посвятив ему все силы своего громадного ума, свою широкую начитанность и свою редкую работоспособность. И если партия прогрессистов победила, склонив Александра II и официальных вождей эмансипационных комитетов к своим взглядам, то она в значительной степени обязана этим энергии Чернышевского и его друзей. Должно отметить, что в этой борьбе «Современник» и «Колокол» нашли сильную поддержку в лице двух передовых писателей из славянофильского лагеря — Кошелева (1806—1883) и Юрия Самарина (1816—1876). Первый из них, начиная с 1847 года, проповедовал в печати и осуществил на практике освобождение крестьян с землей, а также стоял за сохранение деревенской общины и за крестьянское самоуправление. Кошелев и Самарин, оба влиятельные землевладельцы, энергично поддерживали эти идеи в эмансипационных комитетах, в то время как Чернышевский ратовал за них в «Современнике» и в своих «Письмах без адреса», написанных, очевидно, по адресу Александра II и напечатанных лишь позднее в Швейцарии.

Не меньшую услугу оказал Чернышевский русскому обществу своими статьями по экономическим вопросам и по современной истории. В этом отношении он проявил удивительный педагогический талант. Он перевел «Политическую экономию» Милля и написал примечания к ней в социалистическом духе; в целом ряде статей («Капитал и труд», «Экономическая деятельность и государство» и др.) он употребил все усилия для ознакомления общества со здоровыми экономическими идеями. В области истории он преследовал те же цели как в ряде переводов, так и в ряде статей о борьбе партий в тогдашней Франции.

В 1862 году Чернышевский был арестован и, находясь в крепости, написал замечательную повесть «Что делать?». С художественной точки зрения повесть не выдерживает критики, но для русской молодежи того времени она была своего рода откровением и превратилась в программу. Вопрос о браке и расхождении супругов, в случае необходимости, сильно занимал тогда русское общество. Замалчивать подобные вопросы в то время было положительно невозможно. И Чернышевский обсуждал их в своей повести, разбирая отношения своей героини, Веры Павловны, к ее мужу Лопухову и к молодому доктору, которого она полюбила после замужества. При этом он давал единственное возможное решение, которое и честность, и здравый смысл подсказывали в подобных случаях. В то же самое время он проповедовал — в прикровенной форме, но вполне понятно для читателей — фурьеризм, изображая в привлекательном виде коммунистические ассоциации производителей. Он также изобразил в своей повести типы действительных «нигилистов», наглядно указав таким образом их различие от тургеневского Базарова. Ни одна из повестей Тургенева, никакое произведение Толстого или какого-либо другого писателя не имели такого широкого и глубокого влияния на русскую молодежь, как эта повесть Чернышевского. Она сделалась своего рода знаменем для русской молодежи, и идеи, проповедуемые в ней, не потеряли значения и влияния вплоть до настоящего времени.

В 1864 году Чернышевский был сослан в каторжные работы в Сибирь в виде наказания за политическую и социалистическую пропаганду (процесс его является одним из возмутительнейших образчиков юридической фальсификации и русского бесправия); из боязни, что он может убежать из Забайкалья, он был переведен в глухое поселение на дальнем севере Восточной Сибири, в Вилуйск, где его держали вплоть до 1883 года. Лишь тогда ему было разрешено возвратиться в Россию и поселиться в Астрахани. Но здоровье великого писателя было уже разрушено. Несмотря на это, он предпринял перевод «Всеобщей истории» Вебера, к различным томам которой присоединил обширные введения, и он успел перевести двенадцать томов, когда в 1889 году его настигла смерть. Над его могилой поднялась ожесточенная полемика, хотя даже теперь ни его имя, ни его идеи не пользуются любовью русской цензуры. Едва ли найдется другой писатель, которого так ненавидели бы его политические противники. Но даже эти противники должны признать теперь громадные услуги, оказанные им России в эпоху уничтожения крепостного права, и воспитательное значение его публицистической деятельности.